

Моральное обоснование гуманитарной интервенции в современной теории справедливой войны*

А.Д. Куманьков

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается проблема морального обоснования гуманитарной интервенции современными теоретиками справедливой войны. В начале статьи обсуждается эволюция доминирующих парадигм морального оправдания войны и объясняется, почему теория и практика гуманитарных интервенций появляется только на современном этапе развития этики и права войны. При этом отмечается, что теоретизация гуманитарной интервенции началась в последние десятилетия XX века. Это связано с существенной трансформацией – отступлением в правовых и этических исследованиях войны с позиции радикального осуждения агрессивных действий и с признанием политической субъектности негосударственных групп. Таким образом, происходит переосмысление продолжительной традиции, вестфальской системы международных отношений, согласно которой главным участником большой политики признавалось государство, а его суверенное право на ведение внутренней политики считалось неоспоримым. Далее в качестве основного источника современной концептуализации этики гуманитарного интервенционизма берутся работы Майкла Уолцера, который многократно обращался к этой теме и сформулировал по этому вопросу позицию, репрезентативную в целом для всей современной теории справедливой войны. Рассматриваются аргументы Уолцера и его сторонников в пользу морального обоснования гуманитарной интервенции. Среди них выделяются следующие. Во-первых, аргумент о государстве как организации, целью которой называется защита прав собственных граждан. В случае невыполнения этой цели государство утрачивает свою власть над данными людьми и на данной территории. Во-вторых, Уолцер призывает идентифицировать правительства и вооруженные силы, участвующие в массовых убийствах как преступные, а потому заслуживающие наказания. Наконец, приводится, возможно, самый важный, демонстративный аргумент: апелляция к самоочевидной невозможности оста-

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 21-04-028) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2021–2022 годах.

ваться в стороне в случае, если в каком-либо государстве происходят массовые акции насилия. Приводится критика этих аргументов, а также демонстрируется, как современная теория справедливой войны может ответить на эту критику.

Ключевые слова: этика война, политическая философия, принцип невмешательства, обязанность защищать, Майкл Уолцер, суверенитет, права человека.

Куманьков Арсений Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент Школы философии и культурологии, заместитель декана по науке факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

akumankov@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-8951-4707>

Для цитирования: *Куманьков А.Д.* Моральное обоснование гуманитарной интервенции в современной теории справедливой войны // *Философские науки.* 2020. Т. 63. № 11. С. 58–73.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-58-73

Moral Justification of Humanitarian Intervention in Modern Just War Theory*

A.D. Kumankov

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract

The article deals with the problem of moral justification of humanitarian intervention by modern just war theorists. At the beginning of the article, we discuss the evolution of the dominant paradigms of the moral justification of war and explain why the theory and practice of humanitarian intervention appears only at the present stage of the development of ethics and the law of war. It is noted that theorization of humanitarian intervention began in the last decades of the 20th century. This is due to a significant transformation, a retreat in the legal and ethical studies of war from the position of radical condemnation of aggressive actions and the recognition of the political subjectivity of non-state groups. Thus, there is a rethinking of the long tradition, the Westphalian system of international relations, according to which the state was recognized as the main participant of big politics, and its sovereign right to conduct domestic policy was considered indisputable. Further, we take the works of Michael Walzer as the main source

* The article is prepared as a result of the research (no. 21-04-028) in the framework of the Academic Fund Programme of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE) in 2021–2022 years.

of modern conceptualization of the ethics of humanitarian interventionism, since Walzer repeatedly addressed this topic and formulated a position on this issue that is representative of the entire modern Just War Theory. The arguments of Walzer and his supporters in favor of the moral justification of humanitarian intervention are considered. Among them are the following. First, the argument about the state as an organization which goal is to protect the rights of its own citizens. If this goal is not achieved, the state shall loose its power over these people and in this territory. Second, Walzer calls for identifying governments and armed forces involved in mass murders as criminal and, therefore, deserving of punishment. Finally, there is, perhaps the most important, demonstrative argument: an appeal to the self-evident impossibility to stand aside in cases of mass violence in any state. This is followed by a critique of these arguments, as well as a demonstration of how the modern Just War Theory can respond to these criticisms.

Keywords: ethics of war, political philosophy, principle of non-intervention, responsibility to protect, Michael Walzer, sovereignty, human rights.

Arseniy D. Kumankov – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the School of Philosophy and Cultural Studies, Deputy Dean for Research of the Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

akumankov@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-8951-4707>

For citation: Kumankov A.D. (2020) Moral Justification of Humanitarian Intervention in Modern Just War Theory. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 11, pp. 58–73.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-58-73

Введение

Один из основополагающих принципов морального подхода к рассмотрению войны заключается в том, что война должна иметь причину, в достаточной мере вескую и обоснованную. Это необходимое, хотя и не единственное условие, соблюдение которого позволяет говорить об оправданности войны или ее справедливости. Требование наличия причины обращения к военной силе можно назвать едва ли не самоочевидным. Оно оказывается также и демаркационным – ведущий войну без всякой причины теряет человеческое обличье, исключается из цивилизованного сообщества. Как пишет Аристотель в «Никомаховой этике», «никто ведь не собирается ни воевать ради того, чтобы воевать, ни готовить войну ради нее самой, ибо невероятно кровожадным покажется тот, кто станет даже друзей делать врагами, лишь бы сражаться и убивать» [Аристотель 1983, 282]. Такой человек или сообщество людей, несомненно, кажутся Аристотелю в большей

степени зверьми, нежели людьми. Отсутствие основания для агрессии само по себе свидетельствует о моральной неприемлемости войны. Но при этом очевидно: не каждая причина может дать моральное обоснование войны. Порой для оправдания самых страшных войн и военных преступлений отыскивались причины, представлявшие в качестве законных оснований для начала боевых действий. Так, даже Вторая мировая война, где, казалось бы, роли агрессора и его жертв были однозначно определены, началась с Гляйвицкого инцидента – инсценировки нацистскими спецслужбами нападения польской армии на немецкую радиостанцию в городке Гляйвиц, которая подавалась как повод для начала Германией «оборонительной» войны против Польши. Этот пример показывает, что в рамках морального подхода к войне важно не только назвать причину начала боевых действий или заявить о ее наличии, но и доказать, почему она дает моральное обоснование войне. Западное учение о войне прошло своеобразную эволюцию в определении справедливости причин войны. Можно выделить несколько доминировавших подходов к определению справедливости войны: необходимость восстановить естественное положение вещей (Античность), идея восстановления божественной справедливости и наказание грешников (христианское Средневековье), легалистский подход, строящийся вокруг права государств защищать свой суверенитет (начиная с Нового времени и во многом до настоящего времени) и, наконец, новая версия легализма, но апеллирующая к возможности применять военное насилие только для защиты прав человека (начиная с последних десятилетий XX века). В этой последней парадигме, активно развивающейся в настоящее время, особое место отведено идее войны по гуманитарным основаниям – гуманитарной интервенции. В данной статье мы обозначим основные аргументы, которые современные сторонники теории справедливой войны выдвигают в поддержку гуманитарного интервенционизма, и дадим им оценку. В качестве основного источника мы возьмем работы Майкла Уолцера, поскольку он с 1977 года многократно возвращался к проблеме гуманитарной интервенции и его позиция по этому вопросу репрезентативна для всей современной теории справедливой войны.

Становление дискурса гуманитарного интервенционизма

Стоит отметить, что тема гуманитарной интервенции сравнительно недавно стала разрабатываться в исследовательской

литературе. Внимание к ней было привлечено в 70–80-е годы XX века, а действительно популярной она стала в 90-е годы на фоне конфликтов в Руанде, Боснии, Косово, Сомали, Гаити. В это время проблема вмешательства во внутренние дела государства для предотвращения геноцида или иных форм массового нарушения прав человека внутри государства, формально не являющегося агрессором, превратилась едва ли не в центральную проблему как для политиков, занятых практикой международных отношений, так и для юристов, политических ученых и специалистов по политической философии и этике войны. Иллюстративна в этом отношении эволюция взглядов корифея современной теории справедливой войны Майкла Уолцера. В *magnit opus* Уолцера «Справедливые и несправедливые войны», опубликованном впервые в 1977 году, раздел о гуманитарной интервенции занимает всего семь страниц [Walzer 2015, 101–108]. В 2004 году в сборнике важнейших своих работ «Споря о войне» Уолцер называет гуманитарные интервенции (во всяком случае, некоторые из них) столь же очевидным примером допустимости в некоторых обстоятельствах решать конфликты при помощи военной силы, что и борьбу с нацизмом [Walzer 2004, xi]. Сама идея интервенционизма, направленного на скорейшее прекращение акций массового насилия в отношении гражданского населения и изменение «режима, который ответственен за негуманность» [Walzer 2004, 19], кажется теперь Уолцеру необходимой частью теории справедливой войны.

Изначально, однако, гуманитарные основания в качестве вестфальской причины войны не были и не могли быть элементом учения о справедливой войне, и только в силу ряда политических и теоретических трансформаций произошла их переоценка. Среди прочего стоит в первую очередь обратить внимание на транзит от вестфальской к поствестфальской системе международных отношений и связанные с этим изменения в международном праве. Суверенное право государств и их монополия на легитимное физическое насилие внутри определенной территории все еще остаются базовыми характеристиками современного политического пространства. Тем не менее и суверенитет, и границы зоны распространения монополизированного насилия были заметно пересмотрены после окончания Второй мировой войны. В межгосударственных отношениях значительно усилилась роль надгосударственных объединений, занятых, как прописано в

Уставе ООН, решением вопросов коллективного «поддержания международного мира и безопасности». Снизу же государство подпирают различные негосударственные субъекты. Еще один значимый контекст задается изменением роли прав человека в политической практике. Права человека – не просто один из идеалов эпохи модерна, но давно уже институционализованный механизм регуляции внутригосударственных и международных отношений. Говоря словами Майкла Игнатьева, «на практике реализация государствами собственной суверенности теперь зависит, как минимум, в некоторой степени, от соблюдения ими общепризнанных прав человека. Государства, не считающиеся с этим, становятся объектами критики, санкций и в конечном счете внешнего вмешательства» [Игнатьев 2019, 49]. Сдерживание и оборона (а не наступательная война) становятся основой военных доктрин; вооруженные контингенты надгосударственных организаций применяются для обеспечения национальной и международной безопасности; существенно усилилось значение гражданских прав. Сочетание нескольких факторов создало условия, при которых становится приемлемой легитимация войны как средства защиты прав человека. Это правило распространяется в том числе и на людей, которые не являются гражданами государства, берущего на себя миссию осуществления подобной защиты. В международно-правовом контексте мы в этой связи сталкиваемся с доктриной «Обязанность защищать» (responsibility to protect). В сфере этики и политической философии – с попытками нравственного обоснования гуманитарного интервенционизма.

Иногда в философской литературе, посвященной проблематике гуманитарной интервенции, встречаются замечания о своеобразном возвращении теории справедливой войны к парадигмам, исторически предшествовавшим легалистскому подходу [Hehir 1995, 5–6; Coates 2015, 20]. Представляется, что подобное сопоставление возможно лишь с определенной долей условности. Действительно, идея гуманитарного интервенционизма несовместима с легализмом, который появился в XVII веке и представлял собой теоретическую форму обоснования прав национальных государств на силовое отстаивание своих интересов и балансировку сил. Государственный суверенитет был незыблемым, и вмешательство во внутренние дела государства не могло рассматриваться в качестве справедливой причины войны. Самооборона была главной, а для некоторых авторов единственной нравствен-

ной причиной нарушения принципа невмешательства. Примечательно в этом отношении, что Джон Стюарт Милль, известный защитник прав человека, в своем эссе о справедливых причинах войны («Несколько слов о невмешательстве») отводит всего лишь несколько предложений, чтобы обозначить проблематику того, что мы сейчас называем гуманитарной интервенцией. Он пишет: «Требует отдельного рассмотрения случай затяжной гражданской войны, в которой противостоящие друг другу стороны настолько равны по силе, что нет никакой вероятности быстрого решения конфликта; а если и есть, то победившая сторона не может даже надеяться на то, чтобы удержать побежденных в подчинении иначе как жестокостью, несовместимой со всякой человечностью и губительной для долговременного благосостояния страны» [Милль 2020, 294]. То есть, с точки зрения Милля, в ситуациях, когда внутренний конфликт сопряжен с жестокостью, несовместимой со всякой человечностью, внешнее военное вмешательство допустимо. Однако он тут же добавляет, что подобная практика пока еще не стала общепринятой: «Похоже, еще не получила признания доктрина, согласно которой в этом исключительном случае страны-соседи (или один могущественный сосед с молчаливого согласия остальных) имеют основания требовать, чтобы противостояние сторон прекратилось, а примирение было достигнуто на справедливых условиях и по взаимному согласию» [Милль 2020, 294].

И все же современный поворот к гуманитарному интервенционизму не свидетельствует о возвращении к античной или средневековой доктрине морального обоснования войны. Справедливость войны для античных авторов, как было сказано во введении, связана с восстановлением в ходе боевых действий природной справедливости. В качестве цели такой войны определяется мир, в котором каждый займет определенное ему природой положение. Христианское учение о справедливой войне оправдывает войну как форму борьбы с грехом. Она направлена против отступников от божественной справедливости. Именно Бог и установленный Им порядок являются главными предметами беспокойства христианских философов. Очевидно, что ни Античность, ни Средние века не могли дать теоретического обоснования гуманитарной интервенции, о которой невозможно было говорить без концептуализации индивидуализма и проблематики прав человека, а в этике войны эти темы стали центральными только в середине

XX века. Единственное, что объединяет современный военный гуманитаризм с христианской апологетикой войны – идея воздаяния нарушителю права. Так, Уолцер замечает, что «гуманитарная интервенция радикально меняет аргументацию по поводу завершения войн, поскольку теперь война с самого начала является усилием по изменению режима, ответственного за бесчеловечные действия» [Уолцер 2019, 133].

Традиционное представление о самообороне как справедливой причине войны предполагало также чаще всего возможность защиты союзника от агрессии. Это позволяет говорить о некоторой близости гуманитарной интервенции по отношению к войне, которая ведется ради помощи союзнику. Однако существенное отличие состоит в том, что союзник мог просить об этой помощи или даже самой целью заключения союза было обеспечение защиты. Кроме того, этот союзник был государством, одно правительство договаривалось и помогало другому правительству. В случае с гуманитарной интервенцией возникает вопрос, который сформулировала Хелен Фроу: «Допустимо ли вторгаться в государство, не получив согласия его правителей, чтобы защитить граждан этого государства от внутренней агрессии?» [Frowe 201, 87].

Казалось бы, препятствием в отношении гуманитарного интервенционизма служит и международное право. В Уставе ООН было прописано, что народы объединенных наций солидаризируются в стремлении «избавить грядущие поколения от бедствий войны», ради чего они готовы к подавлению любых актов агрессии. А в принятой в 1974 году резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии» однозначно утверждалась необходимость решать «международные споры мирными средствами, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость». При этом там же была дана дефиниция понятия агрессии: «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства». Как же может быть оправдано действие, явным образом нарушающее суверенитет независимого государства, которое в это время не ведет агрессивную внешнюю политику?

Обоснование гуманитарной интервенции: основные аргументы

Чтобы ответить на эти вопросы и дать моральное обоснование нарушению суверенитета государства, не ведущего агрессивную

войну, но переживающего гуманитарную катастрофу, было предложено несколько аргументов.

Майкл Уолцер, которого Терри Нардин считает автором, реактуализировавшим понятие «гуманитарная интервенция» в теоретическом дискурсе [Nardin 2013, 68], повторяет в «Справедливых и несправедливых войнах» аргумент Милля: «...если правящие силы в стране вовлечены в массовые нарушения прав человека» [Walzer 2015, 101], то правительство фактически утрачивает свою власть. Это дает право другим правительствам действовать на данной территории во благо людей, находящихся на этой земле: «Против порабощения или убийства политических оппонентов, национальных меньшинств и членов религиозных сект может и не быть никакой помощи, пока эта помощь не придет извне» [Walzer 2015, 101]. Правительство в этом случае не может заявлять о праве на самоопределение, чтобы отвести гуманитарную интервенцию, поскольку своими действиями оно разрушает политическое сообщество, внутри которого действовала его власть.

По сути, это аргумент, базирующийся на классическом либеральном понимании государства. Как минимум, начиная с Джона Локка, легитимность государства опирается на его возможность выполнять ту задачу, ради которой оно было создано. Государство, созданное «ради общественного блага и безопасности» [Локк 1988, 327], распадается и перестает существовать, когда «не продолжается более отправление правосудия для обеспечения прав людей и в обществе не остается какой-либо власти, которая направляла бы его силу или обеспечивала бы нужды населения» [Локк 1988, 389]. Но Уолцер усиливает его, добавляя, что «правительства и армии, участвующие в массовых убийствах, однозначно идентифицируются как преступные правительства и армии (они виновны на основании Нюрнбергских принципов “преступлений против человечности”»)» [Walzer 2015, 106]. Правительство, ответственное за нарушение прав человека, не только недееспособно, но и преступно, а потому в его отношении допустимы насильственные действия.

Уолцер при этом задает два ограничения гуманитарной интервенции. Во-первых, нарушающие суверенитет интервенции оправданы только в случаях действительно серьезных нарушений прав человека и в ситуациях, когда необходимо действовать максимально быстро [Walzer 2015, 90–91]. Но при этом «не каждое нарушение прав человека является оправданием. Обычная жесто-

кость авторитарной политики, постоянный гнет традиционных социальных практик – все это не повод для вмешательства; с ними должны иметь дело на местном уровне люди, разбирающиеся в политической обстановке, которые способны повлиять на практику или сопротивляющиеся ей» [Walzer 2002, 31]. Во-вторых, интервент ограничен в целях. Он не может превратить гуманитарную интервенцию в агрессивную войну против правительства (пусть и преступного) другого государства. Его цель состоит только в прекращении акций насилия в отношении гражданских лиц, а решать свое политическое будущее должны сами жертвы этих акций [Walzer 2015, 117–124].

Кроме того, Уолцер часто использует демонстративный аргумент, апелляцию к здравому смыслу или очевидности, когда говорит о необходимости обоснования гуманитарных интервенций. Сами по себе гуманитарные катастрофы не появились в последние десятилетия XX века. Но в наше время они стали куда более заметными и шокирующими, теперь «мы гораздо более тесно связаны ими и с ними» [Walzer 2002, 30]. То есть ужас этических чисток или геноцида столь силен, что каждый из нас способен ощутить его самым интенсивным образом, что буквально приковывает нас к происходящему.

Против подобного рода аргументации – теоретической и демонстративной – можно привести ряд возражений. Во-первых, можно продолжать настаивать, что принцип невмешательства и запрет на нарушение суверенитета, коль скоро они имеют юридическую силу, невозможно игнорировать и отменять, с какими бы шокирующими событиями мы не столкнулись. Однако, принимая во внимание, что международное право является предметом соглашения и может эволюционировать, подобный юридический ригоризм вряд ли может рассматриваться в качестве серьезного контраргумента по отношению к гуманитарным войнам. Как замечает Хелен Фроу, «мораль иногда обязывает нас нарушать закон, особенно если закон несправедлив» [Frowe 2015, 89], как это было в случае суфражизма или аболиционизма.

Во-вторых, гуманитарную интервенцию можно критиковать с реалистической позиции: кто будет бескорыстно заниматься решением проблем чужого народа, исходя только из моральных побуждений; наверняка интервент в ходе боевой операции постарается достичь своих корыстных целей (захватить территорию, подорвать экономическую мощь противника, получить доступ к редким

ресурсам и т.п.). Или этот вопрос можно перевести на язык этики долга: можно ли признать нравственным поступок, совершенный из соображений выгоды, а не из уважения к моральному долгу? Получит ли моральное одобрение действие, совершенное не из гуманного мотива? Здесь ответ есть у самого Уолцера. Он предлагает довольно утилитарное решение: если интервенция решает задачу остановить гуманитарную катастрофу, то она справедлива вне зависимости от мотивации интервента или его морального статуса [Walzer 2015, 101–102]. Примеры подобных интервенций можно привести. Случай, к которому любит обращаться сам Уолцер – вторжение Вьетнама в Кампучию в 1978–1979 годах. Вьетнам явно не был государством, ориентированным на защиту прав человека, кроме того, был ряд политических причин, подталкивавших Вьетнам к войне с красными кхмерами: неприятие самого режима, стремление защитить находящихся в Кампучии вьетнамцев. Иными словами, Вьетнам не действовал исключительно из соображений уважения человеческого достоинства. Однако его интервенция помогла прекратить геноцид. Ценность спасенных жизней оказывается для Уолцера достаточным условием для оправдания боевых действий в данном случае.

Британский философ и политолог Джеймс Пэттисон также дает несколько ответов на возражение о мотивах, расширяющих аргументацию Уолцера. Он говорит о невозможности обсуждать мотивы в политическом контексте в связи с возникающими онтологическими и эпистемологическими затруднениями. Онтологическое затруднение связано с тем, что мотивы могут быть только у индивидов, а не у политических сообществ, государств или правительства [Pattison 2010, 156]. И даже если мы рассмотрим правительство как коллектив, составленный из индивидов, сложно делать заключения о мотивации правительства как такового, поскольку «любая интервенция возникает из сложного и меняющегося контекста политических целей, взглядов и позиций, в котором мотивы трудно выделить и проанализировать» [Pattison 2010, 156]. Впрочем, этого заключения Пэттисона вряд ли достаточно для того, чтобы считать проблему мотивов закрытой. С одной стороны, политическая философия и наука довольно давно освоили подходы к государству как к корпоративному субъекту со своими целями и интересами. С другой – если в принятии решения об интервенции участвует множество субъектов или партий, каждая из которых обладает целым набором мотивов,

само по себе это не причина отказываться анализировать это многообразие взглядов и позиций. Правда, на последнее замечание Пэттисон отвечает, описывая гносеологическое затруднение: как именно можно выявить мотивы тех, кто принимает решение об интервенции. Как нам определить, «хотел ли Билл Клинтон вмешаться в Косово, потому что он действительно заботился о спасении жизней косовских албанцев? Или он был больше озабочен тем, чтобы погасить внутривосточные страсти вокруг дела Моники Левински?» [Pattison 2010, 157]. Иными словами, что считать истинным мотивом? Впрочем, хотя бы на уровне анализа публичных деклараций мотивов и целей провести подобную работу можно.

В-третьих, часто используется аргумент об избирательности гуманитарных интервенций. Одна и та же страна может вмешиваться во внутренние дела суверенных государств в одних случаях и игнорировать другие. В исследовательской литературе и публицистике довольно популярен следующий пример. В 2011 году президент США Барак Обама заявил: «Мы не можем сидеть сложа руки, когда тиран говорит своему народу, что пощады не будет, и его войска усиливают свои атаки на такие города, как Бенгази и Мисурата, где невинные мужчины и женщины сталкиваются с жестокостью и смертью от рук своего собственного правительства» [Obama 2011]. Будучи готовым использовать военную силу для решения ливийского кризиса, Обама и США при этом не были обеспокоены ситуациями в Бирме, Конго или Дарфуре. Сам Уолцер отвечает на это следующим образом. Политические сообщества принимают решение, исходя из тех условий, в которых они находятся, и политической целесообразности. В какой-то мере это продолжение аргумента, приведенного в ответ на второе замечание: мотивы потенциальных интервентов могут дать, а могут и не дать им оснований для вмешательства. Однако «нет ничего аморального в том, чтобы действовать или отказываться действовать из соображений благоразумия» [Walzer 2002, 37]. Кроме того, замечание об избирательности или даже произвольности при принятии решения об интервенции отсылает нас к вопросу, является ли гуманитарная интервенция обязанностью или правом государств. Однако этот вопрос выходит за пределы проблемного поля настоящей статьи и заслуживает отдельного исследования (см. об этом: [Pattison 2008]).

Четвертое возражение сформулировал американский военный эксперт Эдвард Люттвак: «Предписание, что X должен сражаться с Y всякий раз, когда Y грубо нарушает принятые X моральные и юридические нормы, узаконило бы вечную войну» [Luttwak 2000, 11]. Иначе говоря, гуманитарный интервенционизм опасен, поскольку ввергает мировую политику в состояние хаоса непрерывных интервенций, спровоцированных расхождением моральных позиций между различными государствами или народами. В определенной степени этот аргумент имеет отношение к ответу Уолцера на предыдущее возражение. Если иногда политическое благоразумие подсказывает отказаться от вмешательства в события, происходящие в государстве Y , то, возможно, в целом разумнее отказаться от любого такого вмешательства? На это Уолцер отвечает, что не следует злоупотреблять сведением морали к личным представлениям и суждениям. Когда интервент действует, чтобы остановить массовые убийства или этнические чистки, он реагирует не на личное представление о приемлемом способе поведения, а на ценность права на жизнь, которая понимается как общезначимая. И лицо или правительство, ответственное за гуманитарную катастрофу, не защитит себя заявлениями, что с точки зрения его личной морали агрессивные действия в отношении гражданских лиц были нравственным способом поведения [Walzer 2002, 35].

Сам же Люттвак разрушает свой контраргумент, когда далее пишет: «Даже если мы не говорим о гражданских войнах, массовых убийствах или нанесении увечий, совершенно нормальное повседневное функционирование армии, полиции и бюрократии влечет за собой постоянное вымогательство, частые грабежи и изнасилования, а также повсеместное угнетение» [Luttwak 2000, 11]. Почему бы не начинать гуманитарные интервенции в каждом из таких случаев, задается вопросом Люттвак. Однако заметно – и Уолцер указывает на это, – что в этом рассуждении Люттвак уже готов признать универсальность оценки злодеяний, совершаемых службами безопасности или даже бюрократической системой [Walzer 2002, 36]. В этом замечании Люттвака поднимается, однако, важная тема определения момента, когда гуманитарная интервенция (и война вообще) становится не одним из возможных способов решения конфликта, а единственным средством. Для теории справедливой войны, а также для системы международного права, это серьезный вопрос, поскольку они отдают

должное принципу крайнего средства: война допустима не только при наличии веской причины, но и в случае, когда исчерпаны все иные, ненасильственные средства урегулирования проблемы (см., например: [Коппитерс, Апресян, Келеманс 2002]). Уолцер в этом случае готов вновь задействовать демонстративный аргумент и апеллировать к самоочевидности ситуации, которая требует военного вмешательства. Невозможно игнорировать поля смерти Пола Пота, их нужно закрыть любой ценой, даже при помощи военной силы в нарушение суверенитета Кампучии.

Заключение

Гуманитарные интервенции – это способ действовать в настоящему экстремальных условиях, когда насильственные акции в отношении огромных масс людей, как правило, гражданских лиц, не подлежат сомнению. В подобных условиях количество жертв легитимирует как можно более быстрое вмешательство извне: «прежде чем оказать поддержку, нам не стоит дожидаться, пройдут ли они (люди, которых убивают. – А. К.) тест на самопомощь. Именно невозможность этой самопомощи и заставляет нас вступать в дело» [Walzer 2015, 106]. В результате оказывается, что именно демонстративный аргумент – к ясно представляемым ужасам и объему насилия – оказывается наиболее востребованным как в теории Уолцера, так и в рассуждениях современных теоретиков справедливой войны. Этот аргумент встает поверх всех моральных концепций или рассуждений о политических целях, которые могут привлекаться в дискуссию о гуманитарных интервенциях. Как возможно бездействовать, если ты становишься свидетелем ежедневно повторяющихся убийств тысяч человек, как это имело место в Руанде в 1994 году?

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аристотель 1983 – *Аристотель*. Никомахова этика // *Аристотель*. Соч. в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. С. 53–294.

Игнатъев 2019 – *Игнатъев М.* Права человека как политика и как идолопоклонство. – М.: НЛЮ, 2019.

Коппитерс, Апресян, Келеманс 2002 – *Коппитерс Б., Апресян Р.Г., Келеманс К.* Крайнее средство // *Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры / под общ. ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна.* – М.: Гардарики, 2002. С. 141–167.

Локк 1988 – *Локк Дж.* Два трактата о правлении // *Локк Дж.* Соч. в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. С. 135–406.

- Милль 2020 – *Милль Дж.Ст.* Несколькo слов о невмешательстве // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 281–299.
- Уолцер 2019 – *Уолцер М.* Триумф теории справедливой войны (и опасности успеха) // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 117–138.
- Frowe 2015 – *Frowe H.* The Ethics of War and Peace: An Introduction. – London: Routledge, 2015.
- Hehir 1995 – *Hehir J.B.* Intervention: From Theories to Cases // Ethics & International Affairs. 1995. Vol. 9. No. 1. P. 1–13.
- Luttwak 2000 – *Luttwak E.A.* No-Score War // Times Literary Supplement. 2000, July 14. P. 11.
- Nardin 2013 – *Nardin T.* From Right to Intervene to Duty to Protect: Michael Walzer on Humanitarian Intervention // The European Journal of International Law. 2013. Vol. 24. No. 1. P. 67–82.
- Obama 2011 – *Obama B.* Remarks by the President on Libya // The White House Office of the Press Secretary. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/03/19/remarks-president-libya>
- Pattison 2008 – *Pattison J.* Whose Responsibility to Protect? The Duties of Humanitarian Intervention // Journal of Military Ethics. 2008. Vol. 7. No. 4. P. 262–283.
- Pattison 2010 – *Pattison J.* Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect: Who Should Intervene? – New York: Oxford University Press, 2010.
- Walzer 2002 – *Walzer M.* The Argument about Humanitarian Intervention // Dissent. 2002. Vol. 49. No. 1. P. 29–37.
- Walzer 2004 – *Walzer M.* Arguing about War. – London; New Haven: Yale University Press, 2004.
- Walzer 2015 – *Walzer M.* Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. – New York: Basic Books, 2015.

REFERENCES

- Aristotle (1983) Nicomachean Ethics. In: Aristotle. *Works in 4 Vols.* (Vol. 4, pp. 53–294). Moscow: Mysl' (Russian translation).
- Coppieters B., Apressyan R., & Ceulemans C. (2002) *Ultimum remedium*. In: Coppieters B., Fotion N., & Apressyan R. (Eds.) *Moral Constraints on War: Principles and Cases* (pp. 141–167). Moscow: Gardariki (in Russian).
- Frowe H. (2015) *The Ethics of War and Peace: An Introduction*. London: Routledge.
- Hehir J.B. (1995) Intervention: From Theories to Cases. *Ethics & International Affairs*. Vol. 9, no. 1, pp. 1–13.
- Ignatyev M. (2019) *Human Rights as Politics and Idolatry*. Moscow: NLO (in Russian).
- Lock J. (1988) Two Treatises of Government. In: Lock J. *Works in 3 Vols.* (Vol. 3, pp. 135–406). Moscow: Mysl' (in Russian).

Luttwak E. (2000, July 14) A No-Score War. *Times Literary Supplement*. P. 11 (in English).

Mill J.S. (2020) A Few Words on Non-Intervention. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 19, no. 3, pp. 281–299 (in Russian).

Nardin T. (2013) From Right to Intervene to Duty to Protect: Michael Walzer on Humanitarian Intervention. *The European Journal of International Law*. Vol. 24, no. 1, pp. 67–82 (in English).

Obama B. (2011) Remarks by the President on Libya. *The White House Office of the Press Secretary*. Retrieved from <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/03/19/remarks-president-libya>

Pattison J. (2008) Whose Responsibility to Protect? The Duties of Humanitarian Intervention. *Journal of Military Ethics*. Vol. 7, no. 4, pp. 262–283.

Pattison J. (2010) *Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect: Who Should Intervene?* New York: Oxford University Press.

Walzer M. (2002a) The Argument about Humanitarian Intervention. *Dissent*. Vol. 49, no. 1, pp. 29–37.

Walzer M. (2002b) The Triumph of Just War Theory (and the Dangers of Success). *Social Research: An International Quarterly*. Vol. 69, no. 4, pp. 925–944 (Russian translation in: *Logos*. 2019. Vol. 29, no. 3, pp. 117–138).

Walzer (2004) *Arguing about War*. New Haven: Yale University Press.

Walzer (2015) *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. New York: Basic Books.